

Наука снова в моде

Автор: Василий Вагин

Ученые устраивают научные слэмы и баттлы, спорят в научно-популярных ток-шоу и собирают аншлаги на лекциях, где бы те ни проводились – от барбершопов до парков. Студенты даже гуманитарных направлений интересуются экзопланетами и нейрофизиологией. Но с чем связан такой всплеск популярности, и как рассказывать про науку интересно? ВУ поговорила об этом с основателем и главным редактором научно-популярного журнала «Ют Шрёдингера» Григорием Тарасевичем, посетившим город в рамках просветительского проекта ИЦАЭ Новосибирска «Энергия науки».

ПРО ТРАДИЦИИ

– Советская журналистика, на мой взгляд, если брать не идеологическую, отличалась более высоким литературным уровнем и разнообразием. Она была ближе к литературе. Многие даже писатели занимались научной журналистикой, и вообще она была более высокого ранга. Как пример: дочь главы государства, Рада Хрущева, работала в журнале «Наука и жизнь».

ПРО ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ

– Я думаю, в Москве и каких-то еще центральных городах типа Новосибирска научная журналистика стала популярной в последние лет пять, может быть, даже меньше. Это буквально такой последний всплеск. Я много думаю, почему это случилось, но однозначного ответа нет. Наверное, это частично связано с тем, что в девяностые наука сильно провалилась не только в плане финансирования, но и в плане общественного восприятия: все заполонила магия, колдуны, опровергатели теории относительности и так далее. А потом маятник просто качнулся в обратную сторону. Плюс, мне кажется, один из факторов, почему активно молодежь этим занимается, – то, что у нас нет публичной политики в стране. Мы живем, конечно, не при диктатуре, но у нас нет конкурентной и идеологической политики. Мы не можем обсуждать правых и левых, нам проще обсуждать черные дыры и белые пятна.

Плюс еще, мне кажется, у нас намечился некий кризис общественного восприятия церкви. Я знаю очень много людей, которые просто болезненно реагируют на церковь и православие. Хотя, ну нормально, ну церковь и церковь, всегда была, во всех странах есть. Но сейчас откат случился в эту сторону, и рациональное знание стало привлекательно.

ПРО МЕМЫ И КОМИКСЫ

– Можно я вам байку расскажу? Как раз она случилась в Новосибирске: я был в одной биологической лаборатории, и у меня возникла идея изложить их исследование в формате комикса.

Но я исходил из вашей же логики, что ученые воспримут это несерьезно, и я им прямо это не сказал. И я их два часа мучил, выпрашивал так, чтобы мне этот комикс составить. Потом они утерли пот, сказали: «Вы что, имеете в виду что-то такое?». Дальше они разворачивают плакат, который они возили на научную конференцию, где их исследование изложено в виде комикса. И для них это было совершенно нормально.

ПРО СТЕРЕОТИПЫ

– Более того, есть странная обратная ситуация, когда молодая журналистка с кольцом в носу пишет про науку со звериной серьезностью, как похоронный пресс-релиз. А пожилой академик рассказывает весело, с шутками, анекдотами, байками. И чаще происходит именно так: зрелые, взрослые ученые готовы рассказывать о науке более весело, чем студенты журфака.

Это связано с тем, что наука всегда была не такой уж и серьезной: вспомните сборники «Физики шутят», «Математики шутят» и так далее. Это первый фактор. Второй, когда ты знаешь хорошо предмет, ты можешь шутить. На самом деле, критерий, что ты хорошо понял тему, – ты можешь на нее пошутить. Я, например, придумать научную шутку вот так вот сходу не могу. Мне не хватает образования, не хватает бэкграунда. Когда ты Хокинг, ты можешь рассказывать смешные байки про спор с Пенроузом на какие-то то ли глянцевого, то ли эротические журналы, есть ли в такой-то области такая-то с такими-то параметрами черная дыра. Потому что ты Хокинг, а он Пенроуз.

ПРО СВЯЗ СО ШКОЛОЙ

– Я бы предлагал в школе рисовать комиксы по мотивам школьного урока химии, биологии или чего-то еще. Мы даже это пытались делать, я в школе немножко работаю. Это непросто, но это снимает напряжение, снимает ощущение серьезности. И это требует

гораздо больших знаний, как ни странно, и понимания предмета, чем просто вызубрить определения и их рассказать. То есть, если вы хотите нарисовать комикс на тему ковалентных связей, вам нужно знать их лучше, чем когда вы хотите получить пятерку на экзамене. Иначе вы их не нарисуете или анекдот не составите.

На самом деле научная журналистика имеет огромный педагогический потенциал. Я сейчас употребляю чудовищное словосочетание «метапредметные компетенции» – и на самом деле научная журналистика их прекрасно развивает. Самый простой пример: есть

